

— Хм, написал арию «Птенчик феникса поёт на севере», репетировал всего несколько дней в усадьбе, подготовился очень поспешно, даже одежду и украшения предоставил павильон, боюсь, разочарую генерала и брата Ли.

— Что вы, что вы, наследник поёт, без сомнения, первоклассно, — услышав слова Ло Цинъяна и увидев лёгкую тревогу на лице юноши, Ли Цзянь, конечно, поспешил выразить своё восхищение, а затем заметил, что те изящные, словно зелёные побеги лука, руки покоятся на столе совсем близко от него.

Ему захотелось протянуть руку, прикоснуться, притворившись, что утешает, но едва он начал движение, как почувствовал на себе холодный взгляд Хо Ци. Пришлось с неохотой отказаться от этой вольности.

В душе Ли Цзянь было не по себе. Сегодня он планировал наедине пообщаться с Ло Цинъяном, чтобы укрепить чувства между ними. Кто бы мог подумать, что маленький наследник пригласил ещё и Хо Ци! Этот генерал Хо, кажется, видел его насквозь, заставляя Ли Цзяня, глядя на красавца, не осмеливаться на лишние движения, не говоря уже о других мыслях. На душе у Ли Цзяня стало тоскливо, и он просто замолчал. Как раз в момент молчания троих внизу началось новое представление.

Говорят «поют пьесу», но правильнее было бы назвать «поют арию». Неизвестно, с каких пор опера стала популярной в нашей династии. Учёные и таланты сочиняли стихи и писали музыку, мелодии распространялись среди народа, и актёры их исполняли. Если стихи учёного были хороши, а пела их самая знаменитая актриса, эту пьесу ставили в театрах, и она шире распространялась в кварталах красных фонарей. Так, сочинение арий и написание стихов стало для литераторов и поэтов изысканным развлечением в свободное время, а также способом утвердить свой статус. Благодаря их поддержке и участию пение и сочинение опер стало модным веянием и превратилось в одну из главных традиций нашей династии.

Хо Ци послушал несколько отрывков и не мог не восхититься мастерством актёров павильона. Будь то героический дух, посвящённый служению стране, изящная и утончённая лирика о маленьких мостиках и текущей воде, или тоска одинокого путника среди сухих лоз и старых деревьев — всё это они пели так проникновенно, что слушатель полностью погружался в атмосферу, словно переживая вместе с героями все превратности судьбы и невзгоды.

Пинлян — безлюдное место, и тем более нельзя было пренебрегать делами на границе. Даже полноценный сон был роскошью, не говоря уже о таких развлечениях, как опера и сочинение музыки. Уже десять лет Хо Ци не слышал такой хорошей оперы. Он слушал, замороженный. Особенно близкой показалась ему ария «Битва золотых алебард». В ней были и бескрайние пустынные степи, и длинная река с одиноким солнцем, она напомнила ему снега хребта Циляншань, заставила вспомнить ветра пустыни Гоби. Тяготы службы на границе были спеты актёром так, что слёзы наворачивались на глаза. Сидевший рядом Ли Цзянь тоже слушал, очарованный. Оба они даже не заметили, когда Ло Цинъян покинул своё место.

Когда ария закончилась, Ли Цзянь наконец пришёл в себя. Он был растроган пением и, вспомнив, что рядом сидит доблестный генерал, невольно проникся уважением. Лёгкое недовольство Хо Ци, возникшее ранее, поутихло. Внезапно он заметил, что место Ло Цинъяна рядом пустует, в комнате кроме слуг остались только они вдвоём. Он решил заговорить, чтобы разрядить атмосферу.

— Генерал знает, как зовут того актёра, что только что пел?

Хо Ци, естественно, не знал. Он покачал головой.

— Сценическое имя того актёра — Е Чанхун. У него лучшие в павильоне голос и стати. Генералу действительно повезло. В прошлый раз, когда я был здесь, Е Чанхуна как раз забрали во дворец, чтобы спеть для императора. В этом году Павильон, Достигающий Облаков, перенёс свои спектакли на период после Нового года, и как раз Е Чанхун смог выйти на сцену и спеть.

Хо Ци кивнул. Ли Цзянь, видя, что тот, кажется, ещё заинтересован, рассказал ему и о других знаменитых актёрах.

Пока они обменивались неспешными репликами, на сцене внизу началось новое представление.

Павильон, Достигающий Облаков, занимал обширную территорию. Зал на первом этаже был просторным и светлым, сцена — высокой. С двух сторон музыкантов от актёров на сцене отделяли жемчужные занавеси. Музыканты уже были готовы.

Чтобы в павильоне царил абсолютная тишина, на первом этаже не ставили столов. Все гости находились в заранее забронированных комнатах, как и Хо Ци с компанией. Можно было раздвинуть занавес и наблюдать за происходящим на сцене. Вид со второго этажа был немного хуже, с третьего — лучше.

Ли Цзянь знал это по собственному опыту. В прошлый раз он заказывал комнату на втором этаже, а сейчас оказался на лучшем месте третьего этажа, откуда мог видеть всё, что происходит на сцене. Он прищурился, внимательно разглядел только что вышедших на сцену и вдруг хлопнул себя по колену:

— Наследник вышел на сцену.

Хо Ци, естественно, тоже устремил взгляд на сцену, услышав эти слова.

Сцена в Павильоне, Достигающий Облаков, отличалась от традиционной. Под ней стояли несколько десятков больших железных бочек, заполненных водой на семь-восемь десятых. Сверху на бочки положили красные деревянные доски, а на них — тонкий ковёр. Вода в бочках служила для того, чтобы голос певца, отражаясь от вибрирующей воды, достигал всех уголков павильона. Ковёр же поглощал посторонние шумы. Чтобы ковёр оставался чистым, все актёры выходили на сцену босиком.

На сцене стояли четыре человека. Один — рассказчик. Кроме Ло Цинъяна, там были ещё девушка и старик. Девушке лет восемнадцать-девятнадцать, одета в нежно-длинное платье цвета зелёного нефрита с узором лотоса, миловидна, волосы убраны в пучок — явно замужняя. Она поддерживала под руку старика с седыми как лунь волосами и бородой. Старик был одет в костюм цвета утиного оперения с узором из виноградных лоз, в руках — деревянный посох. Напротив них стоял, естественно, Ло Цинъян.

Но по сравнению с двумя другими на сцене, одежда Ло Цинъяна была куда более впечатляющей. С нефритовой короны свисали две длинные кисти. Тёмно-синий халат из старинного ароматного атласа был усыпан точками-узорами цветов зимней сливы, на поясе — нефритовые подвески. Сверху накинут плащ из мягкой ткани, вышитый узорами. Каждая нить, каждый шов в его одежде были выполнены с высочайшим мастерством — явно это был специально подготовленный театральный костюм.

Хотя в нашей династии актёры и не были приписаны к низшему сословию, их социальный

статус по-прежнему оставался очень низким. Чтобы скрыть лицо, Ло Цинъян надел белую нефритовую маску. Маска закрывала не всё лицо, оставляя открытым гладкий подбородок юноши. На тонких губах была нанесена светлая помада, но, казалось, она не могла сравниться по яркости с естественным цветом его губ. Глаза-персиковые цветы, выглядывающие из-под нефритовой маски, были полны одухотворённости, их блеск, переливаясь, трогал сердца.

Юноша, как и другие, был босиком. Его нефритовые ступни, хотя и не были трёхдюймовыми, как у женщин с «золотыми лотосами», всё же были маленькими, с пропорциональными косточками, кожа — тонкой и белой. На толстом ковре они казались кусочками жирового нефрита, погружёнными в него. Самое удивительное — на подоле одежды юноши свисали две шёлковые нити с колокольчиками. Изначально они, должно быть, служили украшением, но из-за ковра зрители на втором и третьем этажах не видели их. Они лишь слышали, как лёгкие шаги юноши рождали звонкий перезвон колокольчиков. Часть звука поглощал ковёр, но благодаря отражению от воды в железных бочках внизу звон становился непрерывным, переливающимся, привлекая внимание каждого зрителя в павильоне.

Ло Цинъян редко выглядел столь ослепительно. Если в обычной роскошной одежде он казался чистым и благородным, безупречным, то сегодняшняя наряд был ослепительно ярким, захватывающим дух. И всё же в нём нельзя было усмотреть ничего фривольного, потому что спина юноши, хоть и изящная, была прямой и гордой, издавала ощущение его неприкосновенное, величавое достоинство.

Рассказчик щёлкнул красной кастаньетой в руке и пропел для зрителей предысторию этой пьесы.

«Птенчик феникса поёт на севере» рассказывает о семье Цзоу в городе Цзиньлин. Семья Цзоу была богатой и знаменитой, известным по всей округе купеческим домом. В этой семье был младший сын от наложницы. Хотя он и был не от главной жены, господин Цзоу очень любил его, с детства он был любимчиком отца, старшие братья и сёстры в доме тоже его баловали. Поэтому молодого господина растили в неге и роскоши. И вот этот избалованный юноша, которому еду подавали в руки, затаил в сердце великую мечту: он хотел отправиться на север, сражаться с вторгшимися варварами и отвоевать Шестнадцать округов Юяня, утраченных сто лет назад.

Когда хрупкий и слабый юноша высказал свою идею, он, без сомнения, встретил сопротивление всей семьи. Мать целыми днями рыдала, пытаясь отговорить его от этой затеи. Но молодой господин в конце концов, прихватив немного денег и ценных вещей, тайком отправился на север и поступил на военную службу. С этого отъезда о нём не было никаких известий. Прошло двадцать лет. Маленький господин Цзоу не только чудесным образом выжил, но и совершил выдающиеся военные подвиги, в конце концов вернувшись домой в богатстве и славе.

К тому времени маленький господин был уже не неопытным юношей, а генералом, покорившим множество полей сражений. Только вот семья Цзоу в Цзиньлине давно пришла в упадок, старые родители умерли от тоски, сёстры и братья жили в нужде. Время шло, всё менялось, и ничего уже не было таким, как раньше.

Сегодня, конечно, ставили не всю пьесу, а лишь один отрывок — то, что обычно называют отдельной сценой.